

«МЫ ТАМ – ЧУЖИЕ!..»

Родные сестры Эльфрида Фридриховна Брем и Мария Фридриховна Брем-Шедлих в июле 1981 года уехали в ФРГ. В заявлении, которое они «в четыре руки» писали для ОВИРа, говорилось, что обе намерены покинуть СССР «по вызову старшей сестры Матильды Фридриховны Брем-Кайзлер для постоянного проживания в Федеративной Республике Германии». А 12 марта этого года «переселенки» возвратились, заявив в ОВИРе на сей раз: «Мы там — чужие!..».

ЕСЛИ БЫ речь шла о частном случае — не стал бы он поводом для сегодняшних заметок. Но работники советских ведомств, куда поступают просьбы желающих вернуться из ФРГ в СССР, отмечают рост числа таких заявлений. К тому же количество ходатайств о возвращении существенно расходится с подлинным количеством убедившихся, что в глазах коренного населения ФРГ они — люди «второго сорта». Обратиться же в консульство им мешают долги или боязнь сразу потерять работу, нежелание привлечь к своему имени внимание репортеров или ложное чувство стыда, отсутствие родственников в СССР или прямое давление так называемого «Землячества немцев из России» (ЗНР), о котором я еще расскажу. Тем не менее недовольство «переселенцев» из СССР приняло уже такие размеры, что даже западногерманская пресса не в состоянии отмалчиваться.

И все же случай с сестрами, пробывшими в добровольном изгнании без малого восемь лет, — это случай необычный. Тем типичнее выводы, которые теперь напрашиваются сами собой. Ведь Эльфрида Фридриховна — 1907, а Мария Фридриховна — 1912 года рождения. Обе всю жизнь были простыми труженицами, заработали пенсию, «обросли» многочисленными родственниками в СССР. Что подтолкнуло их к опрометчивому решению? Понимали ли обе, что их переезд через государственную границу — это преодоление границы между очень несхожими мирами, что это и преодоление себя, а точнее говоря, ломка? Ломка уклада, взглядов, нравственных критериев, которая не бывает безболезненной. За ответами на эти непростые вопросы я и отправился в Кировский район.

На крылечке добротного, опрятного дома встретила меня хозяйка — Мария Карловна, дочь Марии Фридриховны. Без

лишних слов пригласила войти, захлопотала у стола. Разговор наш сразу получился непринужденным, будто мы были знакомы давно. Я поинтересовался, где же «квартирантки». Мария Карловна рассмеялась и махнула рукой куда-то за окно: «Они уже домовладелицы. Мы им купили дом через два двора от нашего — случай удачный подвернулся. Кирпичом обложенный, под шиферной крышей, с просторной летней кухней. И двор для грядок достаточный. Сейчас у них приятные хлопоты. Обживаются. Я их вам потом позову... Ну и прибавили они мне забот со своей затеей! — с легкой укоризной заметила хозяйка. — Говорила же им, что старое дерево на новой почве не приживается. Понесло их...»

Оказывается, большая предыстория у отъезда ее матери и тетки в ФРГ. Еще в конце пятидесятых годов началась их переписка со старшей сестрой, Матильдой Фридриховной. Но лишь в 1979 году она стала звать к себе. Три года ушли на раздумья. Мария Карловна с четырьмя детьми и мужем, Василием Николаевичем, жила отдельно и в хлопоты эти не очень-то вникала. Я спросил, не звали ли и ее в ФРГ. Она остановилась посреди комнаты и удивленно развела руками: «А что я там потеряла? Мать прекрасно знала — не поеду я ни за что. От добра добра не ищут. У меня хорошая семья, хороший муж, кстати — русский, трое сыновей, дочь, уже внуки растут... Знаете, с самого начала я была убеждена, что старушки наши не осядут там. Так и вышло: уже через два года пошли слезные письма. «Похлопочи за нас. Домой хотим — спасу нет!». Терпела я, терпела — пришлось впрягаться. Родные ведь. А в ОБИРе спрашивают, где же им теперь жить, если в моем доме метраж не позволяет. Вот я и купила домик».

Сильно переменились «путешественницы»? Василий Николаевич с дочерью Еленой ездил встречать их в Москву. И увидел такими же, как прежде: «Шляпок не надели. В обычных своих платочках прибыли... Вышли из вагона — расплакались. А успокоились — принялись ругать себя, дружно возмущались, что в ФРГ даже местные молодые слоняются без работы, а «переселенцы» из СССР обязаны идти на восьмимесячные курсы немецкого языка, иначе работы и не проси. Вспоминали, как бывшие соотечественники язвительно допытывались у обеих, какого-де лешего не сиделось дома в таком возрасте, когда внуков и правнуков надо нянчить?».

Именно в простеньких платочках видел Эльфриду Фридриховну и Марию Фридриховну и я. Энергичные, радостно возбужденные, они наперебой рассказывали о своем отошедшем в прошлое житье-бытье в городке Кайзерслаутен на улице Мария-Юхацштрассе, отдельно от родной сестры. Встречались ли с сестрой и взрослыми ее детьми? Да. На пасху, рождество... Чаще — не получалось: у всех заботы, спешка. О чем разговаривали? «Их не интересовал Союз, они все о деле да о деле. И песни, музыка у них — свои, нам не нравятся. Мы возвращались в свою квартиру и начинали по очереди плакать — какие же мы дуры старые! Потом писали письма: хотим обратно. Потом ждали писем из дома. И снова плакали. Теперь напишем сестре Матильде, что все устроилось. Вот придет багаж, разложим, развесим — добро пожаловать на новоселье... Да, еще паспорта новые надо получить. У нас, между прочим, советские паспорта в ФРГ отбирали перед отъездом, помешать старались...».

История с паспортами — штрих в нашем сегодняшнем разговоре многозначительный. Каждому «переселенцу» из СССР, попадающему на территории ФРГ прежде всего в лагерь во Фридланде (Нижняя Саксония), выдается удостоверение «лица, возвратившегося на родину». Потом власти тех мест, куда в централизованном (а совсем не к родственникам, посылавшим вызов!) порядке распределяются на жительство прибывшие, требуют в кратчайший срок подтвердить «выход из советского гражданства». Но количество лиц с двойным подданством все-таки растет. И полиция порой изымает советские паспорта якобы для большей сохранности. А на деле — чтоб осложнить людям возвращение в СССР. Особенно тем молодым, которые не приживаются в силу возрастного максимализма, сразу заявляющего о себе, как только пройдет первоначальная эйфория. Впрочем, как видите, и пожилым пытались чинить такие препятствия.

Если б Эльфрида Фридриховна и Мария Фридриховна были помоложе и нуждались в трудоустройстве, они столкнулись бы с очередной, более острой проблемой.

Местные власти могут посулить высокооплачиваемое местечко... в обмен — опять же! — на отказ от советского гражданства. Большинство фирм вообще не желает вести речь о приеме на работу, пока не представишь официальную бумагу об

аннулированном паспорте гражданина СССР. К счастью для сестер Брем, у них трудовой стаж позволял получать переводившуюся из нашей страны пенсию, из которой, кстати, они вкладчину платили за квартиру. Эльфрида Фридриховна и Мария Фридриховна, перебивая друг друга, педантично подсчитывали при мне, во что обходилось жилье ежемесячно. Я понял, что одну из двух пенсий они жертвовали целиком... Если б даже у них и возникала потребность компенсировать потери каким-либо приработком, эта мысль не была бы реализована.

В прошлом «переселенцам» как-то содействовали с трудоустройством. Но нынешняя неблагоприятная экономическая конъюнктура в ФРГ, высокий уровень безработицы срываются неумолимо. И потому среди покинувших СССР не у дел остаются женщины без профессии (или со специальностью без спроса на нее), инженерно-технические работники любой квалификации, бывшие служащие сферы торговли, преподаватели вузов и школ. Ну и, разумеется, неопытная молодежь.

Люди, возвратившиеся из Западной Германии, трезво сравнивают виденное собственными глазами с услышанным от вкрадчиво-зазывальных или оголтело-очернительских «голосов». Каждый вправе искать место под солнцем, где душа будет спокойна. Но даже располагающие жильем в домах, которые принадлежат городским общинам, даже получившие прожиточный минимум весьма скоро осознают: практически они не вписываются в общественно-политическую структуру, интерес окружающих к ним убывает, рвутся возникшие было на почве любопытства житейские контакты. Привыкшие с детства в СССР к чисто человеческому непринужденному общению и участию, «переселенцы» видят, что остаются иностранцами на «исторической родине», болезненно воспринимают презрительные клички «фольксвагендойче», «люди из поселения Ивановых».

Бывшие советские немцы в массе живут поэтому замкнутыми колониями, сохраняя привычки, обычаи. Даже браки в основном заключают между «своими». И русский язык для большинства остается родным, на нем идет общение дома и среди недавних соотечественников. Вопреки официальной боннской пропаганде, это не «немцы среди немцев», а национальное меньшинство, почти не отличающееся в повседневных обстоятельствах от

«гастарбайтеров» из Турции, Италии, Греции, Югославии...

Вот и подсказывает им внутренний голос: «Собирайся-ка ты домой. Здесь ты был и останешься чужаком». Тем более что и «Землячество немцев из России» (ЗНР), уже упоминавшееся в самом начале заметок, — попросту мелкочейный бредень в руках политиканов, которым нужны пешки в большой игре.

До «переселенцев» ли заправилам этой игры? Формально устав ЗНР призывает его членов оставаться вне политики. Однако не случайно же один из последних федеральных слетов ЗНР проходил под лозунгом «Германия — наша родина», заострив внимание на... проблеме «воссоединения семей». Землячество беззастенчиво провоцирует советских немцев на «борьбу за возвращение из СССР и стран Восточного блока на историческую родину», рассылая инструкции и программы действий. А параллельно штатные референты правления землячества по вопросам «воссоединения» ведут желчные кампании против тех, кто выехал когда-то в ФРГ, но открыто говорит, что совершил ошибку. Таких обвиняют в «ренегатских настроениях», в «содействии советской пропаганде».

Предвижу естественный вопрос: а кто и во имя чего манипулирует самим землячеством? Отвечу: ЗНР — орудие в руках реакционных сил ФРГ.

Им, как и их историческим предшественникам, нет и не будет дела до чьих-то отдельных разбитых судеб, рухнувших надежд и безысходного отчаяния. Тот, кто тасует карты, думает лишь о козырях для себя.

...Житейской мудрости Марии Карловне не занимать. В конце нашего разговора она с присущей ей ироничностью произнесла: «Мать с теткой, хоть и говорят по-немецки, такие же немки, как я — англичанка. Дом ведь не там, куда заманивают неизвестные, дяди. А там, где ты не мечешься по ночам от мысли, что ждет твоих детей. И мать, собираясь в ФРГ, на этот счет была спокойна. Остальное она поняла потом. Хорошо, что не слишком поздно поняла».

Ю. БЕЛЕДИН

«Волгоградская правда», 8 апреля 1988 г.